

ИСТОРИЯ ЦВЕТОВ

КОРЕЙСКАЯ
КЛАССИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Перевод с ханмуна

Ленинград
«Художественная литература»
Ленинградское отделение
1991

ББК 84.5 Ко
И 90

Состав и предисловие
А. ТРОЦЕВИЧ

Комментарии
Д. ЕЛИСЕЕВА и Л. МЕНЬШИКОВА

Редактор
И. ЕГОРОВ

Художник
К. ЛИ

И 4703020100-073
028(01)-91 164-90

ISBN 5-280-00969-9

© А. Троцевич. Составление, предисловие, 1990.
© Д. Елисеев, Л. Меньшиков. Комментарии, 1990.
© К. Ли. Иллюстрации, оформление, 1990.

Предисловие

«История цветов»... Название сборника не просто подсказано одним из произведений, включенных в его состав. Можно сказать, что оно в какой-то мере символично. Здесь представлен в образцах путь развития корейской классической прозы от ее ранних памятников до произведений конца XVIII века — вот почему «история», а «цветы» — это сами сочинения, не похожие друг на друга, каждое со своим «ароматом» и «сезоном цветения».

Действительно, в книге собраны произведения разных жанров прозы, которые создавались многими авторами на протяжении более чем шести веков, но все эти памятники имеют и одну общую черту: они написаны на ханмуне — корейском варианте китайского литературного языка вэньяня. Китайскую иероглифическую письменность и язык корейцы заимствовали в начале нашей эры и сразу же предприняли попытку приспособить иероглифы для записи родной речи. Такое использование иероглифов практиковалось до XV века, когда в 1446 году была создана своя оригинальная письменность. Но и вплоть до XX века ханмун продолжал оставаться языком официальных документов, исторических и философских сочинений, а также многих произведений поэзии и прозы. Поэтому корейская литература была двуязычной.

С двуязычием в средневековой Корее связано и своеобразное понимание ценности сочинения: произведения, написанные на корейском языке, считались более низкими, чем те, что создавались на китайском.

Итак, в сборнике представлена проза «высокого ранга», предназначенная в средневековой Корее читателю, «грамотному по-китайски», то есть образованному сословию.

Литературные вкусы в Корее складывались, в значительной мере, под влиянием китайской словесности. Образованный кореец был хорошо начитан в китайской классической литературе, без таких знаний немыслимо было сдать государственные экзамены и сделать карьеру чиновника, поэтому он легко ориентировался в ней и получал эстетическое удовольствие, узнавая в тексте то или иное название, эпизод, имя. Вот почему в корейской прозе и поэзии мы находим китайскую систему жанров, а также своеобразный язык, изобилующий цитатами из сочинений китайских авторов и намеками на события и поступки героев этих произведений.

Заемствование языка и письменности дали возможность Корее приобщиться к китайской культуре и прежде всего — к религиозно-этическим системам конфуцианства, даосизма и буддизма, которые оказали огромное влияние на формирование и развитие корейской литературы.

Конфуцианство пришло в Корею в первых веках нашей эры, в период становления корейской государственности. Рассматривая человека как члена коллектива, конфуцианство сформулировало правила социального поведения, создало идеал образцовой личности, гармонически сочетающей в себе нравственность и культуру, а также представления об устройстве общества на справедливых и гуманных началах.

Даосское учение, напротив, осуждает цивилизацию и связанные с нею социальные институты. Оно отвергает идею долга, служения — общественного назначения человека и призывает обратиться к природе, которая, в противоположность обществу, всегда естественна, неизменна и гармонична.

Буддизм рассматривает жизнь как страдание и учит не стремиться к суетному существованию, материальным ценностям, а встать на путь просветления, чтобы уйти за пределы моря мучений, которым человек подвержен в земной жизни.

Первые буддийские проповедники пришли в Корею из

Китая в IV веке, а через сто лет эта религия уже распространилась по всему полуострову.

Проповедь избавления от страстей не помешала корейским буддистам активно участвовать в жизни общества. Так, монах часто был центральной фигурой в ритуалах, связанных с плодородием, многие монахи занимали государственные должности, служили советниками у государя и принимали участие в посольских миссиях. Они имели свою «табель о рангах» и для получения очередного «чина» должны были сдать экзамены.

Особое распространение получает учение буддийской секты сон (китайская «чань» и японская «дзэн»). Это учение проникло в Корею из Китая в конце VIII века, быстро завоевало популярность и стало ведущей буддийской школой. Корейские монастыри школы сон также входили в систему государственных учреждений, а монахи должны были сдавать экзамены и, подобно мирянам, делать карьеру, получая должности и титулы.

Успех распространения буддизма в Корее можно объяснить, в частности, и особым свойством этой религии, которая легко приспособлялась к местным условиям. Буддизм всегда умел не только мирно сосуществовать с народными верованиями, но и стремился слиться с ними, истолковать их по-своему. Иллюстрацией такого переплетения буддийских представлений с корейским мифом могут служить легенды из «Событий времен Трех государств», которыми начинается сборник.

«События времен Трех государств» — исторический труд одного из видных деятелей корейского чань-буддизма Ким Ирёна (1206—1289), который занимал самый высокий пост «государственного наставника». В этом памятнике собраны предания, связанные с образованием на Корейском полуострове ранних государств, правлением первых государей, а также легенды о буддийских наставниках.

Легенды рассказывают о пути буддийского подвижника к просветлению и основываются они на корейском мифе о

смерти, а затем рождению солнца. Корейское солнце «умирает» в горе или земле, «рождает» его персонаж, связанный с водой. Буддийские легенды сохранили число участников мифа: герой — само солнце, гора (или земля) и водяное существо. Персонажи распределены по тем же ролям, что и герои мифа, они даже сохранили мифологические признаки, лишь сменили свои имена. Так, в легендах герой вначале живет в горах или приходит на пашню. Светлая сущность будды, которая в нем *зложена, еще не проявилась, она мертва, скрыта в горах или земле*. Например, в легенде «Двое святых с горы Пэквольсан — Нохыль Пудык и Тальгаль Пакпак» герой укрывается в горах, в «каменных покоях», а в «Ёнхве бежит от славы» смерть появляется в человеческом облике: это — старик пахарь, которого встречает в горах буддийский подвижник. Старик пашет, готовит землю к посеву — похоронам семени, которое затем должно дать всходы — вновь ожить. «Мертвое семя» — это и есть сам пока еще не познавший истину монах-отшельник. В легенде «Явление бодхисаттвы Кваным наставнику Вонхё» смерть появляется в виде женщины-жницы, которая отказывается дать герою колос. Колос в мифах народов мира всегда связан с жизнью, а срезание колосьев означает смерть, и поэтому отказ дать колос — это лишение жизни. Женщина-жница к тому же появляется в белом платье, а белый цвет в древней Корее был связан со смертью. Так легенда, описывая состояние омраченности героя, опирается на мифологические образы смерти.

Просветленность у героя, как правило, наступает после встречи с «водяным» персонажем. Это дракон — Хозяин моря или «женщина у воды». Монах Поян из легенды «Поян и грушевое дерево» сначала попадает в подводный дворец Дракона Западного моря (так корейцы называют Желтое море) и лишь после этого прославляется у себя на родине. Ёнхве постиг истину — появился в новом качестве после встречи со старухой у реки. «Женщина у воды» в легендах часто носит имя бодхисаттвы Кваным — так корейцы называли Авалокитешвару — популярное в Корее божество буддийского пантеона, которое

помогает избавиться от страданий. Недаром ее называют Тысячерукой Печальницей. В легендах «Двое святых с горы Пэквольсан...» и «Явление бодхисаттвы Кваным наставнику Вонхё» именно Авалокитешвара-Кваным, одаривающая водой для питья и омовения, приводит героев к просветлению. Бодхисаттва «рождает» познавшего истину. Она — мать, а просветленный герой — рожденный ею младенец, и в легенде это подчеркивается рассказом о Кваным, которая в келье у монаха *поджует ребенка*.

Сами герои легенд, познав истину, появляются, подобно солнцу, в золотом сиянии. Так, Поян выходит из морских владений дракона в золотом плаще, а Пудык, омывшись в золотой воде бодхисаттвы Авалокитешвары, сам стал солнечно-золотым.

Стараниями буддистов персонажи корейских мифов подчас превращались в активных сторонников буддийской веры. Это случилось, например, с почитаемым в древней Корее божеством земли, «матушкой-хозяйкой Востока», которая в легенде «Совершенномудрая матушка Сондо радостно сопричастует деяниям Будды» выступает как покровительница буддизма и даже приобретает черты бодхисаттвы, помогающей людям вступить на путь истины.

Преобразился под влиянием буддизма и широко распространенный среди народов мира миф о поединке Бога Грозы со Змеем. С элементами этого мифа мы встречаемся в легенде «Поян и грушевое дерево», однако дракон здесь не вредит людям, а, наоборот, одаривает их водой. Посланец Неба (Бог Грозы) хочет за это покарать его молнией, но буддийский монах спасает дракона. Смещение оценок связано не только с буддийским влиянием (заповедь буддистов — не убивать живое), но и с функциями дракона в странах Дальнего Востока, где он почитается как хозяин воды и податель дождя, обеспечивающий плодородие земли.

Предание о князе Солнце также связано с мифом. Князь, прежде чем вступить в должность первого министра, отправляется под видом бродячего монаха в провинцию на запад, а на

западе, по представлениям древних корейцев, находится страна смерти. Проведя ночь с женой правителя западной области, он возвращается в столицу и получает пост первого министра. Поведение героя ритуально. Он разыгрывает мифологический сценарий умирания (бродит на западе), преодоления смерти в акте зачатия (ночь с женой западного правителя) и затем рождения в новом качестве (возвращение в столицу и получение высокого поста). Князь не случайно зовется Солнцем, его имя — ключ к пониманию внутреннего смысла предания, в основе которого миф о смерти, а затем рождении солнца. Солнце почиталось в древности как божество, от которого зависело плодородие, урожай и жизнь. Люди постоянно заботились о сохранении его жизненных сил. Поэтому идея торжества рожденного солнца, которое преодолевало смерть, была центральным моментом мифологического действия, она и лежит в основе ранних сюжетных историй — буддийских легенд и преданий.

Буддисты, создавая легенды на основе местного фольклора, включали их в свои сочинения и, таким образом, выступали в роли хранителей древней корейской фольклорной традиции. История Ким Ирэна описывает все события как действительно происходившие, а герои легенд — буддийские монахи — были реальными людьми, которые прославились на поприще распространения буддийской веры.

Совсем иной характер имеет проза светских авторов — современников Ким Ирэна. Эти писатели положили начало развитию в Корее изящной словесности. Их произведения — миниатюры, одни из них посвящаются описанию природы, другие рассказывают о придуманных героях и событиях. И в тех, и в других прозаическое описание часто иллюстрируется стихами.

Образец «документальной миниатюры» — «Долина журавлей. Гора Чирисан» Ли Инно (1152—1220), написанная по мотивам хорошо известного на Дальнем Востоке произведения китайского поэта Тао Юаньмина (365—427) «Персиковый источник». В этой миниатюре Ли Инно, неудовлетворенный

современным миром бедствий и смут, вслед за китайским поэтом ищет некую обетованную землю, где жизнь людей гармонична и спокойна.

Сам Ли Инно отказался от государственной службы, в его поэзии и прозе преобладают мотивы воспевания природы и вольной жизни среди гор и рек. В истории корейской литературы он прославился как один из лидеров поэтического направления «бамбуковых рощ» и создатель группы поэтов-отшельников «Семеро мудрых из страны, что к востоку от моря».

К ранней изящной прозе относятся и аллегории, которые появились в XII веке. Это «История Деньги» Лим Чхуна (даты жизни неизвестны) — поэта, друга Ли Инно; «Бамбучинка» Ли Кока (1298—1351), ученого-историка и поэта; «Служка Посошок», написанная буддийским монахом, прозаиком и поэтом по прозвищу Соксигенан — Обитель Покой будды (даты его жизни и мирское имя неизвестны). Действующим лицом в аллегории мог быть любой предмет окружающего мира, а сама аллегория представляет собой произведение, составленное по правилам исторической биографии, которая посвящалась людям того или иного конфуцианского социально-этического типа (например, преданный подданный, верная жена, почтительный сын). Историческая биография рассказывала о деяниях общественного человека.

Герои аллегории, напротив, описываются с позиций осуждения социальной жизни. В аллегории «Служка Посошок», например, противопоставлены два персонажа: отшельник, живущий в горной хижине вдали от мира, и социально образцовый Посошок, вся жизнь которого посвящена служению людям. Посошок перечисляет свои заслуги, называет целый ряд образцовых поступков — намеки на известные в истории подвиги преданных подданных. Его значение — самозабвенная служба, без которой его существование бессмысленно. Отшельник же — человек вне коллектива, вне службы. Он значим как самостоятельная независимая личность.

Суетности Посошка, противостоит и вредоносно-

сти Деньги противопоставлены те, кто не стремится к службе и бежит от общества, — например, Бамбучинка. Таким образом, в этих произведениях образцовым героем оказывается не тот, кто отдает себя людям, а удалившийся от мира индивидуалист. Неприятие социальной деятельности, отказ от службы можно расценивать как знак осуждения современных порядков в государстве.

Даосские и буддийские мироощущения в известной мере свойственны и творчеству Ли Кюбо (1169—1241), одного из наиболее крупных поэтов и прозаиков Кореи. Ли Кюбо не уходил в монахи и не стал даосским отшельником. Напротив, он сделал блестящую карьеру и к концу своей жизни занимал самую высокую должность на государственной службе — пост первого министра. Писатель всегда был деятельным участником событий, испробовал многие пути — от бегства к природе в группе поэтов «Семеро мудрых...» до службы чиновника в столице и провинции, — он пережил и взлеты, и падения. Ли Кюбо оставил множество стихов и сочинений в прозе — произведений серьезных, философских и шуточных, развлекательных. В сборник включена его проза разных жанров — дневник и несколько миниатюр.

В миниатюрах Ли Кюбо размышляет обо всем, с чем сталкивается в повседневной жизни. При этом любой предмет или даже незначительное событие привлекают его внимание и дают повод для написания маленького эссе. Вещи и события не делаются для него на значительные и незначительные, поскольку всякое явление жизни есть малая частица мироздания, связанная с ним и воплощающая его в себе, как часть — целое.

Вот он с серьезным видом дает наставления своей собаке, как вести себя с людьми разного общественного положения, чтобы не попасть впросак, или пишет заклинание против мышей, как будто речь идет о вредоносных демонах, которых принято задабривать жертвами и молитвами. В одном случае увиденное и услышанное дает ему тему для серьезного размышления о взаимоотношениях людей, о важности внутренней

сущности предметов, в других — он иронизирует над теми, кто в каждом пустяке видит знаки грядущих событий. Здесь и бытовая зарисовка, и веселый анекдот про уважаемую личность — всеильного министра и знаменитого историка Ким Пусика.

Вместе с миниатюрами в сборник включены «Записки по дням и лунам о странствии по югу» — одно из самых ранних произведений дневниковой литературы. День за днем автор записывает все, что с ним произошло во время путешествия — необычные случаи и повседневные заботы путника, описывает поразившие его пейзажи и делится своими мыслями. Реалистичность и живость изложения делают дневник совершенно не похожим на другие произведения того времени. Сам Ли Кюбо весьма своеобразно представляет свое сочинение читателю, он называет его «кое-как записанное на клочках бумаги и отдельных листках». И написал он это не ради каких-то высоких целей, а для того, чтобы развлечь самого себя на старости лет. Такого рода замечания появились вовсе не как случайная прихоть автора, они — знак причастности «Записок..» к своеобразной прозе, которую называли «пустыми, бесполезными писаниями», «несерьезными развлекательными» сочинениями. Авторы, образованные чиновники, занимались подобным творчеством на досуге, для собственного удовольствия или вообще удалившись от дел в смутное время. Эту прозу и называли п х э с о л ь, что значит «пустые речи».

Пхэсоль всегда существовали только в виде сборников разнообразных материалов — от информативных заметок и описаний до сюжетных историй. Корейцы не отделяли названиями один рассказ от другого. В нашем сборнике их озаглавил переводчик, который включил сюда сочинения разных авторов. Это, например, избранное из «Гроздьев рассказов Ёнчже» (Ёнчже — псевдоним Сон Хена; 1439—1504), «Смешанных записок в духе пхэгван» О Сукквона (даты жизни неизвестны) или «Рассказов Ёнчхона, написанных в уединении» (Ёнчхон — псевдоним Ким Анно, 1481—1553)

В средневековом обществе к пхэсоль относились как к литературе «второго сорта», считали, что эта проза не описывает действительные события, не содержит примеров образцового поведения и не учит «гуманности и справедливости». Сами авторы часто подчеркивали, что писали свои сочинения без всякой цели, а, например, просто потому, что шел дождь и некуда было себя деть от скуки. Поэтому собрания пхэсоль иногда так и называли — «записки от скуки». Однако в такие «записки от скуки» включались и серьезные сведения — по истории, литературе, этнографии. При этом сами авторы в предисловиях к своим сборникам часто замечали, что собирали и записывали все это для того, чтобы сбереечь от забвения.

Что касается расположения материалов, то в сборниках пхэсоль записывается подряд все, что «видят глаза и слышат уши», здесь нет разницы между серьезным и пустяком, пристойным и непристойным. И если речь шла о людях, то, как правило, описывали случаи из частной жизни, мелочи быта.

Надо сказать, что одной из главных отличительных особенностей этой прозы была абсолютная свобода в выборе темы и предмета описания. Поэтому в рассказах мы встречаем критику властей и насмешку в адрес членов королевской семьи, героями могут быть реальные люди, совершившие мужественные поступки, и распутные монахи и вдовы, мудрецы и глупцы. В пхэсоль можно поведать об удивительном и забавном, представить в смешном виде известную личность и поведать горестную историю загубленной судьбы. Словом, трудно отыскать в корейской литературе другой жанр, где автор чувствовал себя столь раскованным в выборе темы и героя. Быть может, пхэсоль и следует понимать как литературу весьма «личностную», которая говорит о праве человека думать и писать свободно.

Среди авторов пхэсоль были видные деятели культуры, государственные чиновники, занимавшие высокие посты. Это, например, Со Кочжон (1420—1488) и Сон Хен, О Сукквон

и Чха Чхонно (1556—1615). Как же сочетались в их мировоззрении конфуцианские представления о высоком назначении словесности и даосская естественность в выборе и изложении материала? В душе человека того времени свободно уживались два отношения к миру, потому что каждый из этих взглядов имел свою сферу приложения на государственной службе кореец был конфуцианцем, а когда оставался наедине с собой и природой, он обращался к даосизму или буддизму. Поэтому в годы смут, которые так часто потрясали корейское государство, литература давала вспышку даосско-буддийских настроений.

Такие настроения характерны для произведений Ким Сисыпа (1435—1493) — одного из ведущих поэтов и прозаиков XV века. Судьбу писателя определил дворцовый переворот 1456 года, когда престол захватил великий князь Суян, известный как государь Сечжо. Приход к власти Сечжо сопровождался жестокой расправой с политическими противниками, среди которых были известные писатели и ученые. Многие чиновники, несогласные с действиями узурпатора, были изгнаны, либо сами отказались от службы. Среди них был и Ким Сисып, который покинул столицу и, приняв монашество, отправился бродить по стране. В горах Кымо, расположенных на юге, возле древней столицы Кенчжу, он пишет свои повествования, объединенные в сборнике под названием «Новые рассказы с горы Кымо».

«Новые рассказы...» проникнуты буддийской идеей временности земных радостей и тщетности стремлений человека к счастью. Герои Ким Сисыпа во сне попадают в сказочный мир, а вернувшись к обыденной жизни, не могут к ней приспособиться и становятся отшельниками либо умирают. Повествование «Заглянул за ограду», которое включено в настоящий сборник, рассказывает о любви юноши и девушки, но, как всегда у Ким Сисыпа, люди не могут быть счастливы в жестоком мире, поэтому любовь героев кончается их гибелью.

«Новые рассказы...» — первый в корейской литературе

сборник сюжетных повествований, в которых действуют идеальные герои — изящный юноша, поэт, ценитель красоты, и прекрасная дева с утонченными манерами, владеющая искусством стихосложения и игры на музыкальных инструментах.

Корейская литература XV—XVI веков пристально вглядывается в человека, в его внутренний мир, индивидуальную судьбу. Она замечает, что люди не похожи друг на друга характерами и поведением,— так появляются серии новелл о жадных, глупых, развратных и хитрых. Люди в мире не только выполняют свой долг, но и любят. Часто случается так, что, сталкиваясь с лицемерием и корыстью, любовь приводит к беде — новеллы из собраний пхэсоль рассказывают о таких случаях. В короткой новелле можно поведать лишь об одном эпизоде, в ней не покажешь, как складываются судьбы разных людей, почему одни оказываются удачливыми, а других ждет гибель. Ким Сисып первым в корейской литературе расширил повествовательные возможности традиционных жанров и написал о судьбе любящей пары.

Вслед за сборником Ким Сисыпа появляется целый ряд произведений — повестей, в которых обсуждались проблемы, связанные с частной жизнью людей, и ролью человека в этом постоянно меняющемся мире.

Ведущее место принадлежит здесь, пожалуй, Лим Че (1549—1587). Поэт и прозаик, он не стал служить и провел жизнь в странствиях по стране. В памяти корейского народа сохранился его образ — веселого балагура, участника забавного приключения, всегда поступающего не так, «как принято». Такое поведение Лим Че связано с даосским мировоззрением, осуждающим моральные нормы и любую регламентацию вообще. Взгляды на государство и личность писатель реализовал в своих произведениях.

В самой ранней коротенькой повести Лим Че «Приключения ученого мужа во сне», как и в произведениях Ким Сисыпа, главные события происходят во сне, но посвящены они конкретной политической ситуации в Корее — захвату власти

князем Суяном, который убил юного государя Танчжона, сослал и казнил многих ученых. Герой повести, юноша Вон, во сне оказывается в мире, населенном душами несправедливо обиженных на земле, среди которых государь Танчжон и шесть знаменитых ученых, казненных Суяном. Гуманность и справедливость государя, мудрость подданных оказались плохой защитой от коварства и насилия. Если даже самые достойные люди не могут спасти от гибели царствующую особу и самих себя, значит, человек, включенный в сферу общественных отношений, постоянно подвержен неожиданным и часто трагическим поворотам судьбы — такова мысль Лим Че.

Проблема взаимоотношений человека и общества гораздо острее звучит в аллегорической повести «История цветов» — одним из самых значительных памятников корейской литературы. Лим Че обсуждает в ней два больших философских вопроса: чему учит история и какой путь избрать личности? Для ответа на эти вопросы автор взял форму исторического сочинения, использовал корейскую и китайскую литературные традиции, создав при этом оригинальное произведение.

Лим Че рассказывает о возникновении и гибели цветочного царства, распределив время его существования по четырем династиям. Как и принято в традиционной истории, здесь ведется бесстрастное летописное повествование, в котором как бы объективно записываются все события, происшедшие в государстве. Но это повествование постоянно прерывается эмоциональными высказываниями «историка», который дает личную оценку поступкам людей и всему происходящему.

Действующие лица этой истории — цветы, насекомые, птицы, но живут они по законам человеческого общества и рассказывается о них как о людях. В произведении, таким образом, прослеживаются два плана. Один — план природы, цветов; другой — план людей. Автор стремится связать оба плана. В суждениях «историка» персонажи и события прямо сопостав-

ляются с героями китайской истории. В летописном повествовании автор использует систему намеков, литературных и исторических аллюзий, каламбурное переосмысление имен и названий. Цветы наделены человеческими именами, чинами, титулами, им приписываются человеческие поступки и часто — поступки исторических лиц, о них рассказываются исторические анекдоты.

Индивидуальное мастерство автора выросло на почве корейских культурных представлений — например, особого понимания времени, когда жизнь коллектива соотносится с циклом развития природы. Поэтому в «Истории цветов» цветение и увядание того или иного цветка изображены как расцвет и гибель династии. Так, царем-основателем первой династии была Слива, которая цветет ранней весной. Гибнет государство цветов осенью под натиском подданных Золотой Осени и Повелителя Ветров.

Обсуждая вопрос, чему учит история, Лим Че приходит к выводу весьма пессимистическому: царства, их государи и подданные уходят в прошлое, а события их правления — не более чем сон о Нанькэ. Этот даосский образ из новеллы китайского писателя Ли Гунцзо (VIII—IX вв.) говорит о суетности и бессмысленности всякой деятельности на общественном поприще, ибо чины, слава и богатство преходящи.

В конце произведения, в общем эпилоге, Лим Че заключает, что цветы лучше людей, а мир природы гораздо совершеннее человеческого общества. Писатель призывает человека не «усердствовать, чтобы преуспеть на службе», а сохранить свою цельность и вернуться к природе — «совершенному образу». Такой путь, по мнению Лим Че, и должна избрать личность.

Конечно, описывая бесконечные свары цветов-придворных, а также государей, занятых развлечениями, а не правлением, рассказывая о делах, которые ослабляли государство и способствовали его гибели, Лим Че имел в виду не только историю, но и современные ему события. В частности, беско-

нечную борьбу придворных группировок, которая мешала разумно управлять страной, делая ее неспособной противостоять внешним врагам. Подтекст легко прочитывался современниками, и, может быть, поэтому Лим Че не получил должности чиновника, хотя и сдал экзамены.

Критика современности в произведениях Лим Че не всегда выражалась косвенными намеками. Прямое осуждение властей, обирающих народ, высказано им в аллегории «Мышь под судом». С давних пор всем на Дальнем Востоке известно, кого называют мышами. Образ большой мыши-чиновника, пожирающей плоды крестьянского труда, пришел из «Книги песен» — древнего памятника поэтического творчества китайского народа. «Книга песен» входила в число сочинений конфуцианского канона, и ее обязан был знать каждый образованный человек. Поэтому всем было ясно, кого имел в виду Лим Че в повести о жадной мыши, уничтожившей весь запас риса в амбаре да еще и оговорившей добропорядочных зверей.

«Мышь под судом» рассказывает о судебном разбирательстве. Перед читателем проходит вереница зверей и птиц, большинство которых связано с персонажами и событиями, описанными в китайской классической литературе. В Корее названия этих животных стали символизировать определенные ситуации и даже типы личности. Так, журавль всегда сопровождает мудреца-отшельника, и в литературе он стал знаком благородного, независимого человека. Иволга — это весна, цветение, красивый пейзаж и любовное свидание. Появление баснословного животного единорога ассоциируется с правлением идеального царя и благоденствием народа. Всех этих животных в повести допрашивают как соучастников преступления. Они говорят о себе в высоком стиле, цитируют китайские сочинения, ссылаются на подвиги славных предков. Мышь умышленно искажает их речи, делает этих персонажей обыденными, заурядными, заодно снижая и высокие понятия, которыми они оперируют. Таким образом, развенчиваются и высмеиваются традиционные представления.

Мышь вполне можно назвать плутовским героем. Она изворотлива и хитра, а ее остроумные ответы явно выигрывают рядом с грубой неповоротливостью речей Духа — хранителя кладовой, который выступает в роли судьи. Конечно, плутовство не спасло Мышь от наказания, и весь ее род был отдан на съедение зверям. Лим Че не одобряет разбойный нрав Мыши, но, пожалуй, не случайно в самом конце повести благородные животные осуждают толпу мстительных зверей, терзавших мертвое тело преступницы. А может быть, писателю в какой-то мере была по душе героиня, которая вела себя вольно, пренебрегая правилами и не считаясь с авторитетами?

Аллегории Лим Че, конечно, не возникли на пустом месте, они опираются на всю предшествующую корейскую литературную традицию. Так, о вредоносных мышках еще в XIII веке написал шуточное эссе поэт Ли Кюбо, а образ цветочного царства появился еще в IX веке в «Обете цветочного царя», написанного придворным сановником Соль Чхоном как иносказательное увещание подданного, осуждающего поведение государя.

Образом жизни и взглядами на государственную службу близок Лим Че и его младший современник Квон Пхиль (1569—1612), который прославился как поэт и прозаик. За насмешки и критику в адрес могущественных сановников двора Квон Пхиль был сначала выслан на север страны, а потом казнен. Несогласие с идеей общественного назначения человека он высказал созданием образов героев — людей подчеркнуто антиобщественного характера, нищих, пьяниц, не озабоченных мыслями о долге.

О персонаже другого типа — активном деятеле на служебном поприще — рассказывается в его повести «История Чжоу Гуя». Здесь описывается любовь девушки низкого социального положения — певички — и юноши, который стремится сделать карьеру чиновника. Успех на государственной службе и любовь оказываются несовместимыми, и герои гибнут. Трагическая судьба персонажей повести — это осуждение того мира, где

личности привязанности должны быть принесены в жертву государственной деятельности.

Лим Че и Квон Пхиль, как и многие их предшественники, критиковали современные нравы и показывали, что человек, вовлеченный в сферу общественных отношений между людьми, обретает лишь страдания. Лучший выход, считали они, — отказаться от социальной жизни вообще.

В XVII веке рядом с теми, кто призывал к уходу от несовершенного мира, появились активные сторонники преобразований. Это были деятели движения «Сирхак» («За реальные науки»). Они критиковали традиционную систему образования, построенную на изучении гуманитарных наук, и политику изоляции страны, не позволявшую корейскому государству жаться рядом с развитыми странами. Сторонники этого движения пропагандировали практические знания, способные, по их мнению, поднять экономику страны, они обсуждали и проблему ценности личности, независимо от положения в обществе, ратовали за проведение реформ.

Свои взгляды сирхакисты развивали не только в ученых трактатах, но и в художественных произведениях. Они писали стихи, критические и лирические, где любовались родной природой и осуждали бесполезную ученость, рабское следование китайским литературным образцам.

Самым известным поэтом и прозаиком был Пак Чивон (1737—1805), который примыкал к наиболее радикальной группе «Северное учение». Писатель родился в семье столичного чиновника и готовился сдать экзамены, поступить на государственную службу, но критика порядков, обличение тех, кто стоит у власти, вызвали неудовольствие двора, и Пак Чивону пришлось скрываться в провинции. Взлеты и падения — таков обычный путь человека, избравшего служебную деятельность. После десяти с лишним лет изгнания он вновь возвращается в столицу и в 1780 году отправляется в Китай в составе посольства. Результатом этой поездки был «Китайский дневник» — его самое знаменитое произведение.

В дневник прежде всего включены подневные записи. Это — реальные картины быта путешественников в связи с погодой, неразберихой и волокитой местных чиновников, комические ситуации, в которых нередко оказываются путники. В занимательных рассказах, полных юмора, Пак Чивон знакомит корейского читателя с чужой землей, нравами маньчжур и китайцев. Писатель дает очерки достопримечательностей, включает истории реальных лиц и вымышленных персонажей.

Пак Чивон писал свои сочинения не просто для развлечения. Среди описаний забавных случаев он вставляет серьезные рассуждения по истории Кореи, специально для соотечественников подробно разбирает преимущества китайского производства кирпича, строительства домов и крепостей. В ненавязчивой форме писатель пропагандирует патриотические идеи сторонников движения «Сирхак». Например, критикуя политику подчинения Китаю, он стремится на исторических примерах показать возможности своего народа, который в прошлом создал могущественное и независимое государство. Кроме того, как и все сирхакисты, Пак Чивон смотрит на Китай глазами «практичного человека», который прежде всего интересуется реальной выгодой и материальной пользой.

В сборник включен перевод первой части дневника, связанной с самым началом путешествия, когда посольство только вступило на территорию Китая.

Китай с середины XVII века находился под властью маньчжур, которые установили там свою династию Цин (1644—1911). Корейское правительство признало вассальную зависимость от маньчжурской империи и обязалось ежегодно отправлять в Пекин посольскую миссию с данью. Но это были официальные обязательства, в то время как народ и многие аристократы относились к маньчжурам презрительно — называли варварами, смеялись над их обычаями и не признавали объявленные ими девизы, которыми, по китайскому обычаю, называли годы своего правления маньчжурские императоры. Корейцы демонстрировали преданность поверженной, но «истинно китайской» династии Мин (1368—1644).

С прямого заявления о неприятии маньчжурской власти и начинается свой дневник Пак Чивон, антиманьчжурскими настроениями пронизано и все произведение. Здесь рассказывается о борьбе корейцев и китайцев с маньчжурами — «варварами»; маньчжурские чиновники на пограничной заставе избражены как жулики и хапуги, их ученые — вульгарны. Безусловно, дневник Пак Чивона звучал в свое время как политически злободневное произведение.

Кроме подневных записей в «Китайский дневник» включены истории, которые рассказывают друг другу путники. Одни истории входят в подневные записи, как, например, рассказ о китайце Кан Шицзюэ, сражавшемся с маньчжурами, а потом бежавшем в Корею. Другие выделены и имеют собственное название, например, «Отповедь Тигра» или цикл рассказов «Истории, рассказанные вечером в Юйся». Некоторые герои этих историй напоминают персонажей из сборников пхэсоль (обманщик-чиновник, благородный человек, выкупивший девушку из «веселого дома», или беспутный внук богатого торговца). Другие рассказы цикла по содержанию близки коротким аллегориям сборника «Неофициальные биографии из Хранилища блистающих яшм» — второго произведения Пак Чивона. Эти аллегории напоминают сочинения XII—XIII века — такие, как, например, «История Деньги» или «Бамбучинка». Герои аллюгорий Пак Чивона — животные, люди не у дел — те, кто не обременен обязательствами перед обществом и ведет свободный образ жизни.

Писатель выдвигает здесь идеал «естественного» человека и «простой жизни», противопоставляя его «миру фальши». Под «фальшивым» понимается современное автору общество. Так, принадлежать к высшему сословию, оказывается, все равно что стать разбойником, сказано в аллюгории «История с дворянином». Образование, которое основывается на знании текстов и умении их толковать, никому не приносит пользы: герои «Историй, рассказанных вечером в Юйся» (ученый-книжник Хо), «Воспоминаний о насмешнике Мин Юсине», «Истории с дворянином» до глубокой старости занимались изучением

классических сочинений, но это не помогло им чего-либо добиться, они так и остались жить в нищете.

В современном мире господствуют ханжество и жестокость, и писатель в аллегории «Отповедь Тигра» показывает общество через восприятие дикого зверя, в представлении которого отношения между людьми и достижения цивилизации выглядят нелепо. Люди, по мнению автора, создали для себя искусственный мир и сами в нем страдают.

«Естественное», с точки зрения Пак Чивона, — это прежде всего природа и ее обитатели — животные, поэтому в качестве «носителя истины» выступает тигр. «Естествен» и человек, которому чужды стремления прославиться, обогатиться, сделать карьеру. У Пак Чивона это люди низких социальных категорий, а также обнищавшие представители высшего сословия. Так, дядька Ом нетребователен к еде и одежде, довольствуется двумя чашками риса в день и ходит в лохмотьях. Он занимается самой грязной и презираемой работой, потому что все ценимое в мире людей (обильная еда, хорошее платье и высокое положение) для него — «естественного человека» — не имеет значения («Рассказ о добродетельном золотаре»).

С точки зрения «обычных людей», противоестественно поведение Хо и Мина — героев «Историй, рассказанных вечером в Юйся» и «Воспоминаний о насмешнике Мин Юсине». Хо, например, раздает все деньги беднякам, отказывается от высокого поста на государственной службе, а Мин, вместо того чтобы сдать экзамен и поступить на службу, тратит свой талант только на развлечение слушателей.

Образцом отношений между людьми для Пак Чивона является общество, которое создал Хо на необитаемом острове. Здесь нет «книжников», так как в обычном мире люди стремятся получить образование только для того, чтобы властвовать над ближними; здесь нет денег, так как деньги нужны только для роскоши, а человек не должен стремиться к излишествам. Все жители острова занимаются земледелием и пользуются только плодами своего труда.

«Естественное» поведение героев Пак Чивона весьма напоминает поведение даоса, отвергающего пороки и достижения цивилизации. Недаром писатель часто сравнивает своих персонажей с совершенными мудрецами древности, которые удалились от мирской суеты. Любимым чтением Мина оказываются сочинения Лао-цзы — первого философа даосизма, а персонажи «Историй, рассказанных вечером в Юйся» презирают всесильных чиновников и не боятся высказать им все, что о них думают.

Провозглашая идеал «естественного» человека, Пак Чивон не выступает сторонником даосского отшельничества. Он осуждает несовершенное общество, думает, как его улучшить, и даже предлагает некоторые рецепты. Главный из них — ликвидировать ортодоксальную ученость, носители которой живут за счет чужого труда, а также ввести обязательность полезной деятельности для всех. Эти идеи пришли в сочинения Пак Чивона из трудов философов древнего Китая Мо-цзы и Шан Яна (IV в. до н. э.). Таким образом, в аллегориях, написанных Пак Чивоном еще в молодые годы, критика несовершенного общества и поиски положительных идеалов происходят в рамках традиционной дальневосточной культуры.

Часть произведений, вошедших в сборник, уже публиковалась на русском языке. В 1961 году появился перевод аллегории Лим Че «Мышь под судом». Затем в разные годы издания переводов корейской прозы включали новеллы из собраний Пхэсоль, ранние аллегории и «Историю цветов» Лим Че.

Настоящее издание антологии корейской классической прозы, которое предпринимается впервые, объединяет произведения разных эпох и жанров. Наряду с уже известными антология знакомит с новыми переводами. Это — буддийские легенды из сочинения Ким Ирёна «События времен Трех государств», повесть Квон Пхилия и раннее произведение Лим Че «Приключения ученого мужа во сне». Русский читатель еще не был знаком с прозой Ли Кюбо, «Китайским дневником» и алле-

гориями Пак Чивона. В новом переводе дана повесть Ким Сисыпа «Заглянул за ограду».

История корейской традиционной прозы на ханмуне представлена здесь в образцах. В сборник можно было включить только самую малую часть того, что создавалось веками, поэтому в антологии мы видим лишь ведущих авторов и самые характерные жанры. Однако мы уверены, что современного читателя, несомненно, увлечет все своеобразие литературы старой Кореи: и мудрость философа, размышлявшего над проблемами бытия и места человека в мире, и юмор, и перипетии любви молодых людей.

А. Троцевич

СОДЕРЖАНИЕ

А. Троцевич. Предисловие 5

КИМ ИРЁН ИЗ «СОБЫТИЙ ВРЕМЕН ТРЕХ ГОСУДАРСТВ»

Нохыль Пудык и Тальталь Пакпак — двое святых с южного склона гор Пэквольсан — Гор светлой луны. <i>Перевод М. Никитиной</i>	29
Храм чудесного беркута. <i>Перевод А. Троцевич</i>	36
Ёнхве бежит от славы. <i>Перевод А. Троцевич</i>	37
Поян и грушевое дерево. <i>Перевод А. Троцевич</i>	39
Явление бодхисаттвы Кваным наставнику Вонхё. <i>Перевод А. Троцевич</i>	41
Совершенномудрая матушка Сондо радостно сопричастствует деяниям Будды. <i>Перевод А. Троцевич</i>	43
Князь Солнце. <i>Перевод А. Троцевич</i>	46

ИЗ «ВОСТОЧНОГО ИЗБОРНИКА»

ЛИ ИННО

Долина журавлей. Гора Чирисан. <i>Перевод М. Никитиной и А. Троцевич</i>	51
--	----

ЛИМ ЧХУН

История Деньги. <i>Перевод А. Троцевич</i>	54
--	----

ЛИ КОК

Бамбучинка. <i>Перевод А. Троцевич</i>	61
--	----

ОТШЕЛЬНИК СОКСИГЁНАМ

Служка Посошок. <i>Перевод А. Троцевич</i>	66
--	----

ЛИ КЮБО ИЗ «СОЧИНЕНИЙ МИНИСТРА ЛИ»

Записки по дням и лунам о странствии по югу. <i>Перевод Л. Ждановой</i>	71
Наставляю своего пса Пан-о. <i>Перевод Л. Ждановой</i>	84
Заклинание от мышей (с предисловием). <i>Перевод Л. Ждановой</i>	87
Зеркало. <i>Перевод Л. Ждановой</i>	90
Как я привел в порядок маленький сад вблизи своего жилища. <i>Перевод Л. Ждановой</i>	91
Семеро мудрых. <i>Перевод С. Сухачева</i>	93
Но Кычхон. <i>Перевод С. Сухачева</i>	94
О лихоимстве. <i>Перевод С. Сухачева</i>	96
Треснул горшок. <i>Перевод Д. Елисеева</i>	96
Наказ отца. <i>Перевод Д. Елисеева</i>	98
На корабле. <i>Перевод Д. Елисеева</i>	100
Дух Чон Чисана. <i>Перевод Д. Елисеева</i>	100
Всё некстати. <i>Перевод Д. Елисеева</i>	102

ИЗ СОБРАНИЙ ПХЭСОЛЬ

СО КОЧЖОН

Перевод Д. Елисеева

Мудрое решение	107
Могила кошки и змеи	107
Забеременела от монахини	108
Три недостатка	110
Попался на хитрость	111

СОН ХЁН

Перевод Д. Елисеева

Пхун Сансу считает по-своему	112
Глупый зять	112

Два брата	114
Хитрец из Чхончжу	116
Переполох из-за голубя	117
Провели слепца	119
Попал в рай	119
В храме Мёнтхонса	120
Спутался с собственной женой	122
Оплошал	123
Служки дурачат монахов	126
Большой Вонсим	130
Только юбка и спасла	132
Милосердный	133
Праведник	135
Монашка	138
Монах перерождается в змея	139
Монах-петух	141
Проделки Юн Тхона	142
Проказы Хана	147
Братья Чхве	149
Шутник Ён Тхэ	150
<i>Ли Паксяль</i>	151
Женился на кисэн	154
Чем кормить сокола?	160
Тщеславный Син	160
Чудак	162
Советник Сон	163
Бережливый Чи	165
Три женоненавистника	166
Недотепа	167
Сбылось предсказание	168
Жизнь и смерть Пак Ичхана	169
Тиран	172
Упрямец Син	174
Со Тальсон и дочь Хона	175
Чо Унхиль притворяется	176
Неисправимый распутник	177

Красавчик Ким	178
Дурной почерк	180
Князь забавляется	181
Диалог	182
Великий князь	183
Помог стать ваном	184
Возлюбленная вана	186
Мудрый тесть	187
Пара Чонов	188
Ее ответ	190
Любовь и гибель Ана	190
Угнали лошадей	195
Порочная Оудон	197
Повезло	199
Обзавелся любовницей	200
Погубила брезгливость	203
Грубый Син	203
Кисэн возмущается	204
Юн поучает дочерей	204
Мнимый тигр страшнее настоящего	206
Верность женщины	207
Чхве Севон шутит	209
Сопровождаю послов	211
Ученик нерадивый	215
Лекарь-бедняк	217
Встретился с ваном	217
Пувонгун	219
Брат бодхисаттвы	220
Граничит ли Корея с Японией?	221
Два министра	222
Преподобный отец	222
Отравились грибами	223
Изгнал тигров	224
Железный Чхве Ён	226
Смерть Чон Мончжу	228
Раскаяние	229

Отважный Ха Кёндык	230
Домик здоровья	232
Гадальщик морочит геоманта	233

О СУКГВОН

Перевод Д. Елисеева

Бессердечный кабан	236
Ким Сисып ругает стихи	236
Круглый дурак	237

КИМ АННО

Перевод Д. Елисеева

Студент Чхэ и незнакомка	239
Спас девушку	243

ЧХА ЧХОННО

Перевод Д. Елисеева

Две жены Юнсона	246
Девичья честь	248

КИМ СИСЫП ИЗ СБОРНИКА «НОВЫЕ РАССКАЗЫ С ГОРЫ КЫМО»

Заглянул за ограду. <i>Перевод Д. Елисеева</i>	251
--	-----

ЛИМ ЧЕ

Приключение ученого мужа во сне. <i>Перевод Г. Рачкова</i>	275
История цветов. <i>Перевод А. Троцевич</i>	284
Мышь под судом. <i>Перевод Г. Рачкова</i>	324

КВОН ПХИЛЬ

История Чжоу Гуя. <i>Перевод Г. Рачкова</i>	411
---	-----

ПАК ЧИВОН

ИЗ «КИТАЙСКОГО ДНЕВНИКА»

Переправа. <i>Перевод А. Троцевич</i>	445
Отповедь тигра. <i>Перевод Д. Елисеева</i>	526
Истории, рассказанные вечером в Юйся. <i>Перевод Г. Рачкова</i>	536

ИЗ СОБРАНИЯ

«НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ БИОГРАФИИ ИЗ ХРАНИЛИЩА БЛИСТАЮЩИХ ЯШМ»

Беседа трех нищих. <i>Перевод Г. Рачкова</i>	563
Воспоминания о насмешнике Мин Юсине. <i>Перевод Г. Рачкова</i>	570
Рассказ о добродетельном золотаре. <i>Перевод Г. Рачкова</i>	581
История с дворянином. <i>Перевод Г. Рачкова</i>	586
<i>Комментарий</i>	592

История цветов: Корейская классическая
И 90 проза: Пер. с ханмуна/Сост., вступ. ст.
А. Троцевич; Коммент. Д. Елисеева, Л. Мень-
шикова.— Л.: Худож. лит., 1990.— 656 с.
ISBN 5-280-00969-9

Сборник знакомит читателя с образцами корейской вы-
сокой прозы от ранних произведений XI—XII веков до позд-
них сочинений XVIII века, написанных в самых разных
жанрах: фантастические истории, изящные эссе, эмоциональ-
ные высокохудожественные описания реальных людей и
событий. Впервые на русском языке публикуются сочи-
нения дневникового жанра, широко распространенного в
других странах Дальнего Востока.

И $\frac{4703020100-073}{028(01)-90}$ 164-90

ББК 84.5 Ко

ИСТОРИЯ ЦВЕТОВ
КОРЕЙСКАЯ
КЛАССИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Составитель
Аделаида Фёдоровна Троцевич

Редактор И. Егоров
Художественный редактор В. Лужин
Технический редактор М. Шафрова
Корректоры А. Борисенкова, М. Зиминая

ИБ № 5252

Сдано в набор 19.10.89. Подписано в печать 03.09.90. Формат 70×
×100^{1/32}. Бумага офсетная кн.-журн. Гарнитура «Тип Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,65. Усл. кр.-отт. 53,3. Уч.-изд.
л. 27,25. Тираж 50 000 экз. Изд. № LVIII-198. Заказ 386.
Цена 5 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная
литература», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Д-186,
Невский пр., 28.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Зна-
мени Ленинградское производственно-техническое объединение
«Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР.
197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

В 1990 ГОДУ
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ВЫШЛА КНИГА

Мао Дунь. Избранное
(Б-ка китайской литературы)

Мао Дунь (1896—1981) — один из вы-
дающихся представителей современной ки-
тайской литературы и известный общест-
венный деятель. Мастер социально-психо-
логической прозы, Мао Дунь воссоздал в
своем творчестве реалистическую картину
китайской действительности: пути интелли-
генции в революцию, панораму жизни ки-
тайского города, глубинные процессы в
пробуждающейся китайской деревне 20—
30-х годов. В сборник включены фрагменты
впервые переведенной на русский язык
автобиографической повести «Путь, мною
пройденный».